13.11.83.

Правда Украины
г. Киев
13 НОЯ 1983

Никогда не забуду!

ВСТРЕЧИ ПО ПРОСЬБЕ ЧИТАТЕЛЕЙ

«Слышал, что народный артист СССР, лауреат Ленинской премии И. М. Смоктуновский участвовал в освобождении Украины, воевал и в наших краях. Так ли это?».
Д. СОЛОВЬЯНЕНКО.

Хмельницкая область.

В ЭТО ВОСКРЕСНОЕ УТРО репетиция спектакля «Господа Головлевы» начиналась в 11, а ровно в 10 часов Иннокентий Михайлович Смоктуновский встретил меня у служебного входа МХАТа. При остром дефиците времени он неделю за неделей просматривал свое расписание, чтобы, наконец, выкроить этот час для встречи с корреспондентом. Но был еще один момент, как мне показалось, который заставлял актера «уходить» от беседы. Не хотелось ему прикасаться к тому выстраданному, наболевшему, что пока жило лишь в памяти, не переложенной еще на смысловую точность слов и определений. Но именно в сопряжении с нынешними событиями в мире — это сокровенное прошлое все больше обретало новую реальность своей актуальностью, необходимостью высказаться. Я уже знала, что прежде чем попасть в Действующую армию (заканчивался разгром фашистов на Курско-Орловской дуге), И. М. Смоктуновский был курсантом Киевского военно-пехотного училища. Знала, что принимал участие в форсировании Днепра, боях за освобождение Киева.

Голос моего собеседника звучал приглушенно. Он все смотрел в окно маленькой гримерной — по его напряженной позе и речи чувствовалось, что там, за окном, он видит не московский дворик, а зрительный ряд образов, к которым сейчас с таким трудом, в движении мысли, подбирались ключи оценок.

— ...На память мне приходит трактат Леонардо да Винчи, его слова о том, как надо писать батальные сцены. Он говорил — обязательно пишите побежденных с очень бледными лицами, глазами, полными страха, впрочем, и у победителей — лица тоже должны быть бледными... Почему я вспомнил об этом? Сорок лет назад мы освободили Киев. Скоро — через два с половиной года — мы будем отмечать сорокалетие окончания войны. А за нею и счастье освобождения, и огромное горе миллионов и миллионов людей, к которым не вернулись отцы, братья, сестры и дети. Это ужасно! Сейчас наш народ занимается мирным трудом, но покоя нет... Ни в сердцах, ни в душах покоя нет... Мы шли тогда, освобождая Украину, освобождая нашу Родину, с полным сознанием того, что делаем прекрасное, доброе дело. Празднуя Победу, которая досталась очень дорогой ценой, мы даже не представляли себе, что может нависнуть такая страшная угроза над планетой. Не надо войны! Проблемы могут быть решены и должны решаться только за столом мирных переговоров. Та война, с ее невосполнимыми потерями, окажется ничтожной по сравнению с катастрофой, которая ждет все человечество, если развяжется новая... Надо все-таки надеяться на разум человеческий, надо сделать очень серьезные выводы из прошлого.

Вы просите рассказать о событиях тех далеких лет. Я думаю, это не совсем правильно, когда многие прекрасные даты мы «растаскиваем» по каким-то эпизодам, которые в силу прошедшего времени и свойств памяти человеческой уже не могут быть адекватными той действительности. Нельзя забывать, что каждый шаг вперед был полит кровью советских людей. Стойких, сильных, мужественных. Это святое дело... Потому сейчас я расскажу вам в самых общих чертах, тем более, что многое еще нужно уточнить: и даты, и войсковые соединения — ведь меня столько раз перебрасывали из одной дивизии в другую...

Горжусь тем, что находился в той части, которая первой форсировала Днепр — это было в сорока километрах от Киева. Тогда горстка бойцов захватила пятачок на противоположном берегу — все они были удостоены звания Героя Советского Союза. Мы прикрывали отплывшую лодку со смельчаками, а затем всеми силами расширяли

«...Закончил воевать за Берлином — в городе Гревесмюлене, много повидав и испытав: и тягость военных лет, и радость Победы. С этим жизненным опытом я и пришел в театр».
(И. М. СМОКТУНОВСКИЙ. Из автобиографии).

захваченный плацдарм. До сих пор помню канонаду тех тревожных дней ноября — она несла радость нам и горе врагам. Мы воевали плечом к плечу с братьями-украинцами и бойцами самых разных национальностей. Земля гудела под ногами в буквальном смысле слова. Это был прекрасный гуд — гуд жизни нашей, ее продолжения, праздник освобождения еще одной частицы Родины, которую я люблю до дрожи, до слез — и не стыжусь признаться в этом. Объездив весь мир, я говорю, что лучше моей Родины нет!

...Наша часть шла в обход Киева на Дымер. А там оказалось большое скопление сил противника. Он встретил нас, конечно, яростным сопротивлением. Под каждой хатой притаились танки — они расстреливали нас в упор. Их было трудно разглядеть — прекрасно замаскировались эти чудовищные коробки смерти. Но к вечеру мы освободили Дымер. Тогда и узнали: фашистов уже выбили из Киева.

В ходе стремительного наступления наших войск я оказался с группой атаковавших в расположении противника и попал в плен. Как видим, успех порой так близко граничит с неудачей... Месяц и четыре дня я находился в этом пекле. Знал, что даже за самую попытку к бегству ждет расстрел. Знал, что и тем, кто предоставит мне кров, уготована та же кара. Мне удалось бежать... В одной деревне предостерегли: «Здесь полно фашистов, уходи». Я попросил указать направление, где меньше дорог, где есть леса, — в надежде не только укрыться, но и встретиться с нашими. До хутора — в шесть или восемь домишек — с трудом добрался через несколько дней. Меня встретили тепло, накормили, напоили, спрятали, когда немцы приехали за продуктами. А потом был я принят в партизанский отряд...

В Центральном театральном музее имени Бахрушина хранится документ с текстом на папиросной бумаге. В этом удостоверении, датированном 1 марта 1944 года, сказано: «Выдано настоящее тов. Смоктуновскому И. М. в том, что он действительно состоит в партизанском отряде Отечественной войны имени Ленина Каменец-Подольского соединения». Я попал в отряд, когда он сильно был помят противником. Отряд действовал на севере нынешней Хмельницкой области. Фашисты отступали под ударами Красной Армии, а мы с тыла ломали организацию их обороны. Иногда создавали видимость крупного соединения — по вечерам в лесу жгли костры, шумели, имитировали перемещение больших сил... Вскоре партизанский отряд слился с регулярными войсками, и я вновь стал красноармейцем — командовал отделением автоматчиков... Однажды — это было уже на территории Германии — мне перед строем бойцов 641-го стрелкового полка вручили медаль «За отвагу». Как потом оказалось, вторую в моей военной биографии...

Вы просите рассказать о первой медали «За отвагу». Было это в октябре 1943 года при форсировании Днепра. Мне только-только исполнилось восемнадцать лет. Наши связисты гибли один за другим. Нелегко под обстрелом преодолеть студеный водный рубеж, чтобы доставить на ту сторону пакет. Я отправился в путь с молодым бойцом. Нас тут же накрыл огневой шквал, и мой товарищ чуть поотстал. Я начал его звать, но он так и не откликнулся. Погиб. Это частность, как и многие другие. Может быть, о них и не стоит говорить, но из них складывается целое, титаническое, — а именно такой была наша Победа. И эта Победа не должна превратиться в мозаику восхваления самое себя. Не верьте, когда говорят, что на войне не страшно. Это слова. Кто был на передовой, тот знает, что это всегда страшно. Храбрость, думается мне, это когда тебе страшно, но нужно идти. И ты идешь и делаешь все сознательно, а не тогда, когда ты бежишь вперед, ничего не соображая. Только через три года меня нашла награда.

...Никогда не забуду семью Шевчук, которая укрывала меня после побега из плена. Можно ли найти слова, чтобы выразить благодарность, которая идет от всего сердца. Баба Вася. Она давно умерла. Ее дочь Ониська и сейчас живет в Шепетовке. У нее тоже есть дочка — Приська. Это душевные, дорогие мне люди. Они бывают у нас, мы всегда радушно и нежно их принимаем. Это люди святые, потому что ради меня они жертвовали своей жизнью. Я был очень болен — дистрофия, дизентерия. Фашистский плен — это ведь не отдых на лужайке... Это страшно. Шевчуки меня отмыли, отскребли в бане. Их общими заботами я обрел силу, а веру, веру никогда не терял — ни в себя, ни в нашу Победу. Нужно было идти дальше, освобождать свою страну, чтобы возвратиться к мирному труду. И это помогли мне сделать замечательные, прекрасные сестры и братья — украинцы. Им я обязан тем, что жив...

Беседу записала
Г. ШУЙСКАЯ.

Москва.